

Судьбу Валерия Михайловича Зубова рядовой не назовешь. Нынешний председатель Комитета Государственной думы по кредитным организациям и финансовым рынкам, депутат, доктор экономических наук, профессор Зубов родился 9 мая 1953 года на родине своего отца, в деревне Ново-Спасское Тамбовской области. Михаил Зубов привез ожидавшую рождения ребенка жену в родную деревню из Пятигорска, где они тогда жили, чтобы в документах сына стояла запись о месте рождения такая же, как в его собственном паспорте. Через неделю после появления мальчика на свет отец увез новорожденного с матерью обратно в Пятигорск. Зубов очень трепетно относился к своей малой родине и к проживавшей в деревне матери и хотел, чтобы Ново-Спасское хотя бы символически было родиной сына. Отец Валерия Михайловича, Михаил Иванович, был старшим из четверых детей в семье. Глава этой семьи, то есть дедушка Валерия Михайловича, погиб в первые же дни войны. Но, уходя на фронт, дедушка дал наказ своей жене дать образование всем детям, какого труда ей бы это ни стоило.

Валерий ЗУБОВ:

«БОЛЬШЕ ДУМАТЬ О РЕГИОНАХ»

– Бабушка была неграмотна, но очень образованна внутренне, – рассказывает Зубов. – Она понимала абсолютную правоту своего мужа. И хотя бабушка жила с детьми в классической русской деревне так же трудно, как другие многодетные солдатские вдовы, она всем своим детям дала образование, либо высшее, либо среднее. В том числе сыну, который в детстве потерял ногу (ей и это пришлось пережить). Таким образом, она на всю жизнь заложила культ образования в нашей семье, за что лично я ей очень благодарен.

– А кем была Ваша мама?

– Это отдельная, причем очень интересная история. Мама была из очень известной семьи. Ее дедом был генерал Марков, служивший в свое время начальником штаба у Деникина. Мы все знаем Корнилова, у которого был свой, корниловский полк. Но был второй такой же полк Маркова. Сейчас в литературе все это описано, а тогда мы ничего не знали об этом. Дед погиб, его жену, то есть бабушку моей мамы, а мою прабабушку, публично повесили в Пятигорске. Старших детей генерала Маркова забрали в детский дом. Когда они выросли, вернулись в свой дом, но уже не на правах хозяев, а на правах прислуги. Там же в прислугах была и

мая бабушка. А отец попал в Пятигорск по распределению после окончания института, там познакомился с моей мамой, они поженились, и появилась новая ветвь Зубовых и Марковых. Так что культ образования шел с обеих сторон. Поэтому, наверное, я и стал со временем профессором.

– Вы были единственным ребенком в семье?

– У меня есть сестра, учитель по профессии. Зовут ее Вера. У нее двое детей, как и у меня. Вера работает в школе, преподает географию. Она была одним из лучших учителей России по результатам конкурса на это звание. Впрочем, она им и остается по своей сути, по отношению к делу.

– Ваши родители были геологами?

– Точнее – отец был профессиональным геологом, а мама всегда ездила с ним, всегда была при нем и трудилась в зависимости от того, какая на тот момент для нее находилась в экспедиции работа: лаборантом, директором гостиницы (на пять человек) и т.д. Я 14 раз поменял место учебы.

Меня вообще ничем нельзя удивить в этом плане. Я учился и в калмыцкой школе, и в казахской, и ходил туда за пять-семь километров. Я учился в интернате, учился в сдвоенных классах, когда первый и третий класс, или второй и четвертый в одной комнате занимаются. Меня ничем не удивишь и в плане жилья, потому что мы жили и в коммунальной палатке (кое-как разгороженная простынями палатка, в которой живет несколько семей), и в землянке.

– И при этом Вы неплохо учились. А в институт поступили с первого захода?

– Увы, нет! Я получил двойку за сочинение. Пришлось идти работать геологом. Отец с помощью своих друзей-геологов постарался создать мне такие условия, чтобы я очень сильно захотел поступить в институт. Я очень благодарен Федору Ивановичу Кожеватову, мастеру нашей бригады, который гонял меня, как «сидорову козу». Я очень страстно желал, чтобы все это быстрее закончилось, но закончиться это могло только с поступлением в институт. Это был лучший стимул. Отец настоял на том, чтобы я поступал в Московский геолого-разведочный институт им. С. Орджоникидзе. Его поколение было воспитано так (кстати, правильно), что инженерное образование дает такую базу, которая в дальнейшем позволит заниматься чем угодно в жизни. Но потом я перевелся из этого института в Плехановский (с потерей года). В 1977 году окончил его по специальности «экономист». Был аспирантом этого института (отслужив перед этим полтора года в армии и дослужившись там до сержанта).

– Какое у Вас осталось впечатление об этом периоде Вашей жизни? Армию у нас почему-то все ругают. Как Вы считаете, для этого есть основания?

– Конечно, там бардака очень много, и не надо подбирать другого слова. Я считаю, что на совести офицерского корпуса та дедовщина, которая в армии, безусловно, существует

С Геннадием Райковым

С Владимиром Шохиным

С Михаилом Задорновым

С Александрой Буратаевой

в настоящий момент. Но армия – это не только солдаты и сержанты, в первую очередь это офицеры. Они профессионалы. И то, что они допускают такое безобразие, которое создало общую атмосферу просто-таки панической боязни армии, – это на их совести. Но мне, по счастью, повезло, я служил в Подмоскowie, где дедовщины практически не было, хотя гоняли нас здорово. Я прошел настоящую армейскую службу.

– А дальше что было?

– У меня была возможность остаться в Москве. Я был женат, имел дочь. Проблема распределения могла бы решиться вполне успешно с общежитийской точки зрения. Но человек, рассчитывающий только на себя и желающий чего-то добиться в жизни, должен идти туда, где более трудная работа. В наше время искали работу с перспективой получения жилья, это было главное. Я поступил иначе: выбирал работу. Был твердо убежден в том, что если человек идет «на

жилье», он, во-первых, вряд ли его скоро получит, а во-вторых, его будут рассматривать, как обузу. Я переговорил с пятью ректорами различных вузов. Четверо из них заявили: жилье мы тебе дадим года через два-три, и я знал, что получу его лет через 10–12. И только один ректор не стал говорить про жилье, а спросил меня, чем я занимаюсь. Это и повлияло на мой выбор. Я поехал в Красноярский университет. Хотя до этого никогда не был в Сибири. Уже через несколько лет я стал деканом экономического факультета этого университета. Это были лучшие годы моей жизни.

– В 1985–1986 годах Вы стажировались в Оклахомском университете, в городе Норман, в США. Как Вы туда попали в то сложное время?

– Совершенно случайно. Возможность поездки за рубеж на стажировку появилась после того, как Министерство образования стало рассылать соответствующие анкеты. Когда ко мне поступили эти бумажки, я отнесся к ним крайне несерьезно. Тем не менее зашел к ректору и спросил, что мне с ними делать. Он посоветовал переписать всех, кто подходил под требования анкеты (возраст, ученая степень и т.д.). Я всех добросовестно переписал, в том числе и себя, отправил бумагу в министерство и тут же о ней забыл. Но получилось так, что двое все-таки поехали, в том числе и я. Напарником оказался Валера Черноглазов из Нефтехима. Мы были первые русские, посетившие этот штат. Я пришел к выводу, что американцы очень похожи на нас. Среди них теряешься, трудно определить, кто американец, а кто русский. Я вел семинары, читал лекции. Но главное, чем я там занимался, – шарил по библиотекам. Они ошеломили меня легкостью в работе. У нас придешь, к примеру, в Ленинку, пока оформишь пропуск, пока пойдешь заказывать книги и выяснишь, что они в другом от-

«Я выступал за осмотрительное ведение приватизации, за разнообразие форм собственности на землю. Призывал отличать демократию от распущенности и вседозволенности».

деле, пока их дождешься... Там же всех этих проблем не существует. Я столько всего перечитал, причем очень многое переснял на ксероксе! Накупил литературы – мне потом наше посольство помогло вывезти 50 килограмм книг. К тому же получил еще в подарок там компьютер.

– Что Вы там изучали?

– Проблему производительности труда: чем мы отличаемся в этом смысле от других стран. Я изучал эту проблему не только на производстве, но осваивал и так называемую «беловоротничковую» производительность. Потом я написал на эту тему книгу, когда вернулся домой. Хотел назвать ее «Как американцы измеряют свою производительность», но пришлось писать по-ученому: «Как измеряют производительность труда в Соединенных Штатах». Хотя, как мне кажется, первое название было лучше.

– Мне тоже так кажется. Чем же их производительность отличается от нашей?

– Мы проигрываем американцам в производительности труда на каждом рабочем месте.

– Почему? Там лучше организация труда?

– Конечно! Труд там организован лучше. Лучше технически оснащены рабочие места. Между прочим, Ленин когда-то писал о том, что более развитая, передовая цивилизация отличается от других именно высокой производительностью труда. Это очень важное положение, которое, кстати, до сих пор работает.

– Что-нибудь изменилось у нас в этом плане за те прошедшие после Вашего возвращения из Америки 15 лет?

– Что вы, просто небо и земля! А то вы сами не видите!

– Значит, есть надежда на то, что вырвемся, прорвемся...

– А куда мы денемся! Конечно, прорвемся, мы уже прорываемся, уже много сделано для этого. Но еще больше предстоит сделать.

– Как дальше складывалась Ваша жизнь?

– В профессиональном плане достаточно интересно. Был одним из основателей биржи «Тройка» в Красноярске, работал заместителем директора Красноярской универсальной фондовой биржи по операциям с ценными бумагами...

– С февраля 1992 года Вы были заместителем главы администрации Красноярского края, а потом главой.

– Да, так получилось. Указом Президента РФ от 28 января 1993 года была удовлетворена просьба об отставке по

состоянию здоровья главы администрации Красноярского края А.Ф. Вепрева. Исполняющим обязанности главы администрации назначили меня. При вступлении в должность я заявил, что реформы в экономике (которые начались год назад) нужно было начинать немедленно, у Е.Т. Гайдара не было иного пути. Но отметил, что при осуществлении реформ было допущено много ошибок. Я выступал за осмотрительное ведение приватизации, за разнообразие форм собственности на землю. Призывал отличать демократию от распущенности и вседозволенности. 25 апреля 1993 года меня избрали главой администрации Красноярского края. Всего баллотировалось 8 кандидатов.

– Этот год вообще был для Вас успешным.

– Действительно, все складывалось удачно. В самом конце года, точнее, в декабре 1993 года, я был избран

С иностранными гостями

членом Совета Федерации по Енисейскому двухмандатному избирательному округу № 24, набрав 50,78 процентов голосов. Был членом Комитета по бюджету, финансовому, валютному и кредитному регулированию, денежной эмиссии, налоговой политике и таможенному регулированию, членом Комитета по делам Федерации, Федеративному договору и региональной политике. В январе 1996 года снова вошел в состав Совета Федерации.

На отдыхе с женой Евгенией и сыном Ваней

Дочь Катя и внук Иван

– Расскажите о Комитете по кредитным организациям и финансовым рынкам, который Вы возглавляете. Как Вы стали его председателем?

– До меня этот комитет возглавлял, на мой взгляд, один из лучших экономистов страны Шохин. Он блестящий специалист по финансам. Я не знаю, почему Шохин отказался возглавлять этот комитет, он ведь прекрасно с этим делом справлялся. Но это его право. Возможно, у него были другие планы на перспективу. На место Шохина выбрали меня. Что же касается задач, которые стоят перед нашим комитетом, я назову две главные: создать законодательство, при котором будет выгодно работать в России (дополнительно к тому, что есть), и второе – чтобы деньги каждого, кто живет в нашей стране, были надежно защищены. Мы будем принимать законы по развитию пенсионной системы, причем, и государственной, и негосударственной ее части. Если нам доверят работу над законом о валютном регулировании, то мы будем принимать такую новую редакцию, которая упростит честным предпринимателям работу на валютном рынке, а нечестным, наоборот, существенно усложнит. Борьба с теневыми, незаконными доходами – компетенция и нашего комитета в том числе, и здесь нам также предстоит серьезно потрудиться.

– Валерий Михайлович, хотелось бы узнать Ваше мнение о нашей налоговой системе. Говорят, что малый и средний бизнес у нас развивается недостаточно активно, кроме прочих причин, еще и из-за высоких налогов. Считается, что если человек отдает больше 40 процентов от своих доходов, работать становится невыгодно – это творческая практика. А у нас и 85, и 90, и больше бывает...

– Так много споров об этом, не хочется повторяться! Лучше затронуть то, о чем меньше всего говорят. К примеру, в Швеции 10 лет назад (сейчас они меняют свою систему) был самый высокий уровень жизни, и это, заметим, при самом высоком налогообложении в мире. Значит, как-то у

них получалось. У нас же уровень налогообложения сегодня ниже, чем в Германии, Швейцарии. И налоги на корпорации у нас ниже, чем, скажем, в той же Америке.

Теперь о самом главном. О том, какие налоги были и какие стали за последние три года. Я ответственно заявляю, что их стало меньше. Мы со своей стороны, в Госдуме, пусть не два шага сделали, и не пять, а всего один, но в правильном направлении. Мы сказали, что налоги не будем повышать точно, наоборот, будем снижать налоговое бремя. И снизили. Возьмем промышленность. Можно спорить о том, отмена инвестиционной льготы компенсировалась или не компенсировалась снижением налога на прибыль. Для кого-то – да, для кого-то – нет. Но на прибыль в банках налоговая ставка точно снизилась с 43 до 24 процентов. Подоходный налог опустился до 13 процентов. Когда мы взяли пенсионный, медстрах, соцстрах и отменили налог на безработицу, то в сумме и единый социальный налог снизился. Это же отрицать невозможно. Тогда возникает вопрос: увеличилась ли собираемость налогов, учитывая все перечисленное? Тот еще вопрос! Говорят: снизили подоходный налог, и он стал лучше собираться. Подождите-подождите! У нас отменили огромное количество льгот. Военные раньше не платили подоходный налог, теперь платят. Уже три года идет общее увеличение производства, значит, и налоговые сборы стали больше. Давайте подсчитаем, за счет чего же

увеличилась собираемость? За счет какого фактора?

Второй вопрос к тем, кто занят на производстве: то сокращение налогов, которое произошло – пусть маленькое, мизерное, – как вы его используете? Приведу только один пример. Сейчас много споров вокруг тарифной энергетики. Вам нужны инвестиции, и вы говорите: для этого необходимо повысить тариф. Тогда объясните мне, почему самые высокие дивиденды из 200 крупнейших корпораций страны заплатили региональные энергетические компании, причем не Иркутскэнерго, не Красноярскэнерго, не Мосэнерго, а Туваэнерго? Почему? То есть при повышении тарифов вы берете эти деньги и перекладываете их в свой карман! Они не идут в производство? Если мы снизили налоги, что вы изменили в производстве? Я считаю, что и об этом надо говорить.

– В чем отличие Народной партии Российской Федерации, в состав руководства которой Вы входите, от других центристских партий?

– Россия, как цивилизация, отстает от Европы. У нас позже образовалось государство, письменность, православие и т.д. Но по культуре мы европейцы, хотя в целом наследуем культуру, которая идет от Греции. У нас было несколько попыток догнать Запад в развитии. Первый такой рывок был еще при Владимире, когда на Руси ввели православие. Второй – при Иване Грозном, который понял, что в чем-то мы отстаем от других. Потом определенные усилия предпринял Александр Второй и, наконец, большевики. Сейчас мы наблюдаем очередную попытку. И каждый раз, когда мы делаем такой рывок, основные дивиденды, доходы получает какая-то группа, 10–15 процентов от всего населения страны. Они принимают европейские стандарты, у них формируются доходы, соизмеримые с европейскими, они ратуют за то, чтобы вся жизнь у нас стала «европейской». А как быть с остальными 90 процентами? В конце концов, они говорят: а где наша доля? Почему между нами такой разрыв? И чтобы у нас не получилось в очередной раз, как в 1917 году, или не возникла смута, как в начале ХУІІІ века, или выступление новых декабристов, чтобы за явным продвижением не наступил обвал, надо бороться за то, чтобы правила получения работы и доходов от нее были более справедливыми для всех. Надо больше думать о регионах, жизнь в которых отличается от столичной и других больших городов. Я считаю, именно в этом главное отличие Народной партии от других, то есть осознание всего вышеперечисленного и готовность действовать в нужном направлении.

– В чем заключается молодежная политика вашей партии?

– Ее надо последовательно продвигать. И первое, что необходимо для этого, – развитие ипотеки. Нет другого такого источника, из которого молодежь могла бы взять кредит и построить жилье. Неправильно, когда говорят: поработай 20 лет и потом получишь жилье! Его надо получить сегодня,

а потом отработать. Поэтому то законодательство, которое частично идет через наш комитет, касающееся ипотеки, – это молодежная политика. Второй момент – работа. Я не хочу, чтобы, допустим, дети шахтера не видели иного пути, как спуститься за своим отцом в шахту. Мне больше по душе другое: отец был шахтером, и дед им был, а сын стал компьютерщиком, юристом, банковским служащим и т.д. – то есть в современном бизнесе работает. Необходимо изменить структуру рабочих мест, сделать ее более привлекательной для молодых – это тоже молодежная политика. Что касается нашего комитета – у нас нет в этом плане более важной задачи, чем принять такие законы, по которым, например, банки имели бы возможность выдавать больше кредитов малому бизнесу, чтобы там больше создавалось рабочих мест. Я считаю это также молодежной политикой. Еще один важный момент – идеологический. Надо отучать детей от мысли, что они чем-то обязаны государству. Государство обязано им. Кто кому обязан – ребенок отцу или отец ребенку? Я считаю, что я обязан своему ребенку, я на него работаю, а не он на меня должен работать. Я о своей маме позабочусь, она меня так воспитала. Я постараюсь, чтобы мой сын позаботился обо мне, когда я выйду на пенсию. И государство по отношению к молодежи обязано, а не молодой человек государству.

– Один из важных моментов работы партии – контроль за тарифами естественных монополий...

– Мы в Госдуме добились того, что закон по энергетике принят и направлен в Совет Федерации. Он проходил трудно, но на последнем этапе удалось убедить коллег в его необходимости. Недавно был принят закон по всем естественным монополиям, который прошел уже легче. На сегодня у нас нет социальных конфликтов, как в прошлом году, когда они возникали из-за отключения энергии. И экономический рост во втором полугодии снова ускорился. Я думаю, что это в какой-то степени связано с тем, что правительство не пошло на поводу у монополий, не подняло тариф на 80 процентов, а согласилось на 20, почти в пределах инфляции.

– Какой Вам видится новая Россия?

– По территории – не меньше, чем сегодня, а по обустройству – не хуже, чем Швейцария.

– Работу над какими законами считает для себя приоритетной ваша партия?

– Все, о чем я выше говорил, и есть наши приоритеты. На первом месте, безусловно, то, что относится молодежи. Причем я перечислил только тот блок законов, которые касаются только комитета, который я возглавляю. Но ведь есть еще другие комитеты: международный, по здравоохранению и другие.

– Перейдем к теме доброй и теплой, поговорим о Вашей семье: о жене, детях, внуке.

– В отношении семьи я старомоден и консервативен. Мне повезло, у меня здесь все в порядке. У меня одна жена и, надеюсь, что так и будет. Дочь окончила МГУ, работает в одной из югославских фирм. Муж у нее военный.

– А внук у Вас от дочери или от сына?

– От дочери. И сына, и внука зовут Иванами. Иваном, в честь деда, который погиб на войне, планировали назвать меня, но почему-то передумали в последний момент. Я ждал рождения сына, чтобы назвать этим именем его. Но оказалось, что с той стороны тоже был дедушка по имени Иван, и он тоже воевал. Моего внука назвали в его честь.

– При огромной загруженности Вы замечательно выглядите, энергичны и бодры. Как Вам это удается?

– Спасибо за добрые слова! Я всегда занимался спортом.

– И сейчас занимаетесь?

– По остаточному принципу! Хожу в спортзал, играю в футбол в команде Госдумы. Я там не первый номер. Но и не последний...

Раиса ФИРСТОВА

седи *Ист*®

С А Л О Н К Р А С О Т Ы

Метро «Китай-город», Славянская площадь, Лубянский проезд, дом 27.
Телефон: (095) 921 5960

L'ORÉAL
PROFESSIONNEL
PARIS

SELECTIVE®

WELLA

GEHWOL

SEBASTIAN®
COLLECTION

DARPHIN
PARIS
